

Мартин Лихтмесц

АЛЕКСАНДР ДУГИН – ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ АНТИМОДЕРН

Русский философ Александр Дугин – это что-то вроде Славоя Жижека правых, даже если несколько более когерентный в своем мышлении, чем словенский неомарксист (которого, впрочем, недавно, изобличили в том, что он списывал у классового врага). Теперь Дугину, который до сих пор был скорее случаем для специалистов и посвященных в тайную науку, удалось пробиться в самое ведущее из всех ведущих средств массовой информации, в журнал «Дер Шпигель», который взял у него подробное интервью.

Как мировоззренчески блистательная голова, идеи которого на Западе из-за немногочисленных переводов знают скорее по слухам, чем по собственному опыту, Дугин оказывает продолжительное очарование на многих правых интеллектуалов. Посвященные в Германии прислушиваются к этому русскому сказочному зверю с девяностых годов (например, в тогда уникальных сообщениях из России Вольфганга Штрауса в «Штаатсбрифе»).

Фанатичные «западники» вроде [Рихарда Херцингера](#) давно уже считают Дугина буквально гуром сил зла (так он промелькнул уже в 1995 рядом с Аленом де Бе-

нуа и родственными мыслителями в книжке Херцингера «Пророки конца времен – наступление антизападников»).

Но также и некоторые консерваторы боятся этого человека, которого по выбору называют «фашистом, сатанистом, национал-большевиком, монархистом, расистом» и т.д. Напротив, Дугина особенно высоко ценят, прежде всего, в идентитарной среде, где его книга «Четвертая политическая теория» стала обязательным чтением. И это восторженное сообщение с теоретического сайта «Дер Функе» подчеркивает его харизматическую личность:

Дугин – это в любом случае впечатляющая фигура, которую оправдало бы одно только уже сравнение с Распутиным. Угловатое, скорее аскетическое лицо, обрамленное импозантной бородой, которая, все же, не может отвлечь от двух колючих глаз – Кто мог бы обидеться на нас за эту ассоциацию? Можно заметить, как знающий девять языков мыслитель во время своей речи увлекался самим собой, полностью очарованный своими собственными мыслями – очарование, которому неизбежно поддался и автор этих строк, несмотря на свою «толстую кожу», что касается политических речей и академических докладов.

Основной пункт, почему Дугин настолько интересен для идентитарной теории, состоит в следующем:

Дугин является самым убежденным сторонником, и это расплывало все опасения, МУЛЬТИПОЛЯРНОГО мира. Он – сторонник разнообразия и международного права. (Здесь также становится узнаваемым его влияние на политику Путина/или созвучие с политикой Путина, который тоже всегда ссылается на международное право). Его великий враг – это атлантистская чума запада, с которой он борется с молодежной яростью, которая может импонировать также нам, более молодым.

Особенно привлекательны при этом уверения Дугина в необходимости новой политической «теории», которая могла бы преодолеть либерализм (политическая теория 1), коммунизм (политическая теория 2) и фашизм (политическая теория 3), т.е. положить конец расовой и классовый борьбе и начать новый век. Однако, здесь все пока остается на уровне шепота и хайдеггеровщины, так как до сих пор неясно, что должно было бы стать конкретным центром тяжести у этой будущей «четвертой теории».

На картинке «раса», «класс» и «касса» находятся под прицелом. Лозунг внизу гласит: «Настало время выбрать четвертый путь!».

Торстен Хинц в «Юнге Фрайхайт» довольно скептически оценил книгу Дугина как «грубую смесь из апокалиптики, эсхатологии, децисионизма и анархизма».

Дугин выступает здесь, с одной стороны, как диагност нынешнего времени и критик либерализма, с другой стороны, как политический теоретик и духовидец, а с третьей, как геополитик. Он ссылается на Эрнста Никиша, Артура Мёллера ван ден Брука, Освальда Шпенглера, Карла Шмитта, Алена де Бенуа, но также и на Сэмьюэля Хантингтона, Фрэнсиса Фукуяму, на структуралистов как Клод Леви-Стросс, на представителей постмодернизма, философии языка и теории средств массовой информации. Сначала это поражает, но чем дальше, тем кажется более эклектическим. Однако его самой важной отправной точкой является Мартин Хайдеггер.

С крушением Советского Союза в 1991 году либерализм потерял якобы своего последнего противника, после того, как фашизм / национал-социализм был общими усилиями разбит уже в 1945 году. Войдя в фазу пост-истории и пост-политики, он стал претендовать на абсолютность и объявил себя единственной только возможной практикой. Вместо класса, расы или государства он сделал индивидуума единственной «нормативной темой», которая скрестилась с глоба-

лизацией. Идеология права человека – это выражение этого синтеза. В принципе, речь шла о «пост-либерализме».

Ницше классифицировал «последнего человека», который потребляет и наслаждается и даже не сожалеет об отсутствии исчезнувшего исторического и духовного горизонта. Но на этом, однако, глобализированный пост-либерализм не останавливается. Разрушение национальных и культурных идентичностей – это только начало. Именно он упраздняет сексуальную идентичность, превращая ее в якобы вымышленную человеком социальную роль, чтобы, наконец, растворить и человеческую идентификацию как таковую. Все это приводит к стиранию иерархий и различий и к нивелированию масштабов. Герои постмодернизма – это трансвеститы и прочие извращенцы. Логика всемирного либерализма ведет напрямик в «пропасть постмодернистского распада и виртуальности». Он пользуется современной техникой и средствами массовой информации, которые перемещают людей в космос вечной современности, состоящей из развлечений, знаменитостей и гламура, где нет ни прошлого, ни будущего. Это развитие на уровне силовой политики ускоряется США. Их цель: глобальная Америка.

Отказ от Бога, традиции, этничности или государства – это для Дугина не только политически неверный шаг, но и неизбежный путь модерна: «По этому пути идут абсолютно логично; за решением освободиться от всего, что держит в узде человеческий произвол, логично следует завершение современного человека: Он перед нашими глазами освободился от самого себя». Он повинуется «всемирной метафизической силе», которую Дугин с Хайдеггером объясняют так: Западноевропейская философия уклонилась от трудности думать о бытии, уйдя к техническому мышлению, которое овладело им как «каркас».

Так как ни класс, ни расы, ни индивидуум больше не подходят на роль исторического субъекта, необходим новый, синтетический субъект: само «существование», которое как внезапная отмена расщепления на объект и субъект входит в политическую жизнь. Это, пожалуй, должно означать: Неотчуждаемое существование становится политическим действующим лицом и создает порядок в мире. В другом месте мистически говорится, что «существование» появилось как «радикальное андрогинное», которое «не возникло как результат синтеза из мужчины и женщины, а вместо этого образовывало их первоначальное, неприкосновенное единство».

Сегодня очарование Дугиным часто пересекается с очарованием, которое многие правые и консерваторы испытывают вообще в отношении путинской России, которая не только представляется им альтернативной общественной моделью,

но также пробуждает искушение избрать для себя другого сильного гегемона, нежели США, до тех пор пока сама Европа не способна прийти к истинному единству и самостоятельности.

Широко распространенный скепсис по отношению к антироссийской пропаганде средств массовой информации может быть здесь также индикатором того, насколько растет недоверие по отношению к здешним политическим и медиальным элитам. И Дугин – это человек, который, кажется, подтверждает это впечатление – смотри, например, его интервью, взятое Мануэлем Оксенрайтером.

Также противники Дугина предполагают в нем «Распутина Путина», который в значительной степени участвует в создании мрачного союза против американского гегемона (также известного как «демократия и права человека») вместе с критически настроенными к ЕС правыми партиями Европы. Образцом такой точки зрения может послужить недавняя статья Рихарда Херцингера в июльском/августовском номере журнала «Международная политика».

При этом ключевая роль приписывается российскому политологу, публицисту и политику Александру Дугину. Если после крушения Советского Союза к его агрессивным антизападным, великорусским националистическим теориям прислушивались сначала только сектантские и эзотерические маргинальные группы, то за последние годы он поднялся до, вероятно, самого влиятельного интеллектуала России, воздействие которого доходит даже до наивысших правительственных кругов. Имеет ли он на самом деле влияние на кремлевского господина, остается все же спорным. Но в речах и заявлениях Путина в последнее время часто встречаются формулировки и выражения, которые чуть ли не буквально употребляет и сам Дугин. Не в последнюю очередь проект «Евразийского союза» Путина вдохновлен идеологией «неоевразийства» Дугина.

Его спекулятивное культурно-философское ядро – это представление о фундаментальном соперничестве между людьми суши, «евразийцами», и людьми моря, лишенными корней «атлантистами», под которыми по существу понимаются англосаксонский мир и в особенности США как плод «космополитической и антинациональной цивилизации». По мнению Дугина, это якобы длившееся на протяжении тысячелетий и определяющее ход мировой истории противоречие сейчас переходит в стадию «решающего боя», причем Россия станет чем-то вроде державы-спасителя, миссия которой – освободить мир от якобы вредного для истинных ценностей переформирования «американизмом».

Главный момент у Херцингера состоит в том, что он, в принципе, разделяет это приведенное здесь представление, но в зеркальном отражении, только давая ему противоположную оценку: в Германии едва ли найдется еще один более прилежный и более правоверный пропагандист глобальной миссии США для освобождения всего мира, чем он.

Особенно забавна и показательна в этой связи титульная графика, которую Херцингер выбрал для своего блога «Свободный мир»: она выглядит как киноплакат пятидесятых годов, с соответствующими шрифтами и с Мэрилин Монро в качестве веселой Вавилонской блудницы, которая позволяет смотреть на земной шар под знаменитой задравшейся вверх юбкой. Что также превосходно дает понять квинтэссенцию так называемых «западных ценностей».

Все это производит впечатление ностальгически окаменевшего синдрома пакета с продовольственной помощью, который застрял в вечной временной петле пятидесятых годов, еще до того, как либерализация страны радикализировалась к тотальному гедонизму и, после движения 68-го года парадоксально, но не непонятно, трансформировалась в левый антиамериканизм и терроризм.

Мэрилин Монро как символ «свободного мира» в духе Херцингера! Это кажется прямо-таки забавно «консервативным». Наши сегодняшние Вавилонские блудницы спустились уже несколько дальше. Вероятно, Херцингеру стоило бы модернизировать картинку и заменить Мэрилин Монро на более актуальные панданы, например, на раздутую до уровня антироссийской Статуи Свободы «толерантности» искусственную фигуру [«Кончиту Вурст»](#) или Майли Сайрус с ее психически-чувственными [видео](#).

В 1977 Ханс-Юрген Зиберберг в его фильме «Гитлер – фильм из Германии» ярко выразил свое отвращение по отношению к послевоенному миру либерализма американских освободителей. У этого мира для него была гримаса порно-куклы с зияющим, круглым «ртом», который раскрывается в черную дыру, в Ничто, в которое могут эякулировать последние люди.

В одной сцене он соединил куклу с пластмассовым трупом жертвы концлагеря или бомбежек, и позволил обеим фигурам предстать в непристойном совокуплении перед проекциями проектов «Germania» Шпеера, как адские символы «окончательной победы» совсем другого рода. К этому режиссер добавил следующий текст:

Как там говорил Томас Манн перед наступлением нового 1938 года? «Помоги Бог нашей помраченной и злоупотребленной стране и научи ее заключить мир с самой собой и с ее миром». Что сказал бы он сегодня? Или наши дети завтра? Видя, что мы сделали с нашей свободой, и с нами самими?

«И создали они себе богов по образу и подобию своему ...»

Теперь вернемся к интервью «Шпигеля» с Александром Дугиным, которое в действительности местами оказалось несколько странным. Несколько поспешно пассивно-агрессивное сопротивление Дугина таит в себе легкий комизм. Он, кажется, прямо-таки ожидает с нетерпением того, чтобы попасть в определенные рамки «западных категорий», еще до того, как интервьюер успел раскрыть рот. Прежде всего, логические затруднения и противоречия радикальной критики «универсализма» становятся довольно отчетливыми.

Дугин атакует идеологию «Единого мира» (One World), оспаривая то, что универсальные ценности вообще существуют. Это ведет к тому, что понятие «расизма» в том виде, как его понимают на Западе, он поворачивает на 180 градусов и направляет как оружие против того, кто его изобрел. Если на Западе «расистом» считается тот, кто, например, отвергает равенство, «прогресс», «толерантность» и «права человека» или критикует их, то для Дугина «расист» это

тот, кто хочет навязать эти «ценности» другим культурам. И так как он исходит из того, что этот «универсализм» является характеризующим, даже определяющим для западной культуры и западного мышления, – то – «на Западе все расисты». Все!

Александр Дугин: Подождите, это серьезная тема. Существует одна цивилизация или несколько? Существуют ценности, характерные для всего человечества?

Der Spiegel: Есть как различные цивилизации и культуры, так и ценности, которые должны быть всеобщими.

Александр Дугин: То есть, все-таки одна универсальная цивилизация? Я вижу это иначе, и в этом наше разногласие. Я ссылаюсь на таких теоретиков, как Освальд Шпенглер, Арнольд Тойнби и Николай Данилевский.

Der Spiegel: Данилевский был одним из ведущих панславистов 19-го века.

Александр Дугин: У разных обществ – различные ценности. Не существует универсальных ценностей. Те, которые таковыми считают, являются проекцией западных ценностей. Западная цивилизация – расистская, этноцентричная цивилизация. Любой западник – расист. Не биологический, как Гитлер, но в плане культуры. Поэтому он полагает, что существует только одна цивилизация – без варварства. И эта цивилизация основывается на демократии, прогрессе, правах человека, свободной рыночной экономике и индивидуальной идентичности. Но варварство все это отрицает по каким-то религиозным причинам. Так думают западники, поэтому они расисты в культурном отношении.

Der Spiegel: Это абсурд.

Александр Дугин: Еще раз. Не существует ни одной цивилизации, есть различные формы. Два варианта – либо вы уважаете, что я говорю на другом языке, и мы сейчас попытаемся найти как можно больше общих понятий, либо вы полагаете, что являетесь носителем абсолютной истины – то есть, это означает, что мы, русские, просто не знаем, что такое права человека, либерализм, свобода, и что вы имеете право защищать права человека в Африке, России и Китае.

Der Spiegel: В России говорят, что восточная цивилизация превосходит западную, и Европа приходит в упадок.

Александр Дугин: Этого я никогда не говорил. Я только считаю, что цивилизации Запада и Востока – абсолютно разные. Восточная превосходит в той степени, что выступает против расизма со стороны западной цивилизации. Западник приходит и говорит, что прогресс, технологии и безопасность – также неотъемлемые права русских.

Der Spiegel: Вы это отрицаете?

Александр Дугин: А вы нет? Европа, по всей видимости, знает все, и разговаривает с другими, как с идиотами.

Der Spiegel: Мы же, как раз, пытаемся понять друг друга. В чем вы обвиняете декадентский Запад?

Александр Дугин: В том, что он хочет навязать нам свои критерии. У вас есть гей-парады, хорошо, тогда проводите их. То, что у нас их нет, вы рассматриваете как нарушение прав человека. А мы говорим в ответ – отстаньте! Или вы хотите объяснить исламу, что такое феминизм, и кто такие феминистки, и почему женщины и мужчины равноправны? Это колонизация. Я православный христианин, вы – нет. Я принимаю вас, а вы меня – нет.

Сила этой аргументации очевидна: она подносит к лицу крестоносцам «западных ценностей» зеркало и полностью и с полным основанием разоблачает их как притязания на власть и господство. Это можно хорошо изучить в нынешней холодной пропагандистской войне против России (например, из-за недостаточных прав гомосексуалистов или недостаточного преклонения перед ними).

Но то, что в ней явно не так, тоже очевидно: Дугин едва ли сможет утверждать, что (как раз) русская цивилизация (или какая-нибудь другая) была и есть более или менее «этноцентричной», чем «европейская». Причем смысл здесь состоит в том, конечно, что, как это ни парадоксально, как раз универсальные или универсалистские претензии на самом деле являются кашированной или неосознанной «этноцентрической» (номиналистической) чертой. (Между прочим, заметим, что если это так, то отсюда вытекают значительные проблемы и для радикально антиуниверсальной идентитарной теории. Так как если предрасположенность к «универсализму» на протяжении веков является одной из постоянных черт нашей сущности...)

Потому в этом отношении нет спасения от «расизма», так как всякий культурный круг, который считает себя чем-то и защищает свое право быть тем, что он

есть, каким-либо образом считает себя более ценным, чем другие. Никто, кто думает, что у него есть «миссия», как выражает это сам Дугин, не думает всерьез, что все другие такие же правые или такие же ценные, как он сам. Такие вежливости быстро выбрасывают за борт. Высокий уровень нарциссического сознания собственной роли в космосе – это прямо-таки признак каждой высокой культуры. Последовательный «этноплюрализм», который равным образом уважает каждое «инобытие» и не дает оценок, – это антропологическая невозможность – разве только, если вы хотите уменьшить человека до огородного существа и приручить его.

И потому аргументация Дугина тоже обоюдоострая: с одной стороны, он говорит: «каждому свое» – Западу, например, его либерализм и его права человека, ему и ему подобным вечную, православную Россию, с другой стороны, он не допускает сомнения в том, что он считает ценности, вокруг которых вращается Запад, само собой разумеется, достойными презрения, ядовитыми, смертельно декадентскими. Он «принимает» их только в том отношении, когда он говорит западному интервьюеру: делайте у себя дома, что хотите, но оставьте нас в покое, губите себя, если вы верите, что обязаны делать это.

Но так как он все же действительно «православный христианин», Дугин не может «принять» «западный декаданс»: так как православие однозначно учит, что существуют определенные моральные истины, которые действуют всюду. Это не означает с неизбежностью, что из этого следуют крестовые походы и принуждение к обращению: но обязывающий и обязательный приговор неизбежен.

Но также и у понятия «расизм», как его здесь использует Дугин, есть смысл только в рамках западной системы ценностей и мышления – здесь все же, заметьте, речь идет о лево-радикальном мыслительном конструкте, о боевом лозунге, значение которого можно растягивать как резину. Он использует его, вероятно, прежде всего, как провокацию, как полемическое заострение, хорошо зная, что никаким другим словом нельзя больше ранить западника и тем самым поставить его на колени.

С этим тесно связано, что Дугин возвращается здесь к «дискурсу», который, очевидно, исходит, прежде всего, от французских «Новых правых» («Nouvelle Droite») семидесятых и восьмидесятых годов, избравших себе «универсализм» как главного врага, подчеркивая, напротив, преимущество «отличного», «особенного» (они называли это «номинализмом»), и, в противоположность сегодняшним левым, желавшим ограничить «расизм» только шовинистическим

обесценением инобытия. Однако, то «право на разницу», которое пропагандировали «Новые правые», значит в окончательной последовательности также право на то, чтобы отделять других из собственной общности и исключать их. И сегодня как раз это-то и считается «расизмом», вследствие чего, естественно, и Дугин тоже «расист», что он, без сомнения, и сам хорошо понимает.

Вопрос, имеет ли этот дискурс, как и дискурс «расизма» вообще, смысл только в незападных обществах. Говорит ли Дугин и в России тем же образом? Такой человек как он владеет, без сомнения, «мимикрией» политической риторики, и знает, как нужно говорить с западноевропейцем, чтобы стать ему понятным – или также как выбить его из колеи.

Вероятно, эта риторика виновна в том, что Дугин теперь абсурдным способом приравнивает западный универсализм к «этноцентризму». Также здесь он запутывается в ужасных противоречиях, которые частично переходят в клевету, и разоблачает себя как демагога:

Александр Дугин: На Западе права человека стоят выше прав коллектива, в исламском мире религия стоит выше права отдельного человека, в России – это права общества, коллективные права. При всем постмодернизме, при всей толерантности вы на Западе не сталкиваетесь с проблемой другого человека. Для вас все другое – это что-то негативное. Вы просто не находите ключ к философской проблеме другого человека. Вы пытаетесь поучать нас, говорить, как нужно решить эту проблему, которую вы не решили сами. Это всегда было так – во времена колонизации, во времена больших географических открытий, в эпоху европейского колониализма, во время Вестфальского мира, в эпоху британских колониальных завоеваний, при Гитлере и в эпоху либерализма. Этноцентричная Западная Европа – это константа.

В действительности, это скорее так, что универсальный либерализм – это один из самых больших врагов «этноцентризма», даже враг народов и их идентичности и самоопределения как такового. Однако это касается тех народов, которые породили его. То, что под этим маскируется не только европейская претензия на господство, отчетливо выражается в национальном, этническом, культурном саморазложении европейских народов на их собственной территории. Идентифицировать западный универсализм с «расизмом» и «этноцентризмом», не очень логично.

Конечно, в нем с некоторым правом можно видеть и современную, постколониальную версию «бремени белого человека» в духе Киплинга, манеру рассматривать каждый «недемократический» народ в качестве маленьких скрытых американцев, которые все хотят «освободиться» или «цивилизиться». Но сегодня это означает ускорять радикальное растворение всех этнических и традиционных связей, причем повсюду.

<http://www.youtube.com/watch?v=faNge-o0V-k>

В действительности Дугин, естественно, понимает, что раскритикованный им либерализм произошел из духа Запада, но не составляет его настоящую суть, а скорее уничтожает ее:

Александр Дугин: Мне нравятся корни немецкой культуры, но ее больше нет. Германия сегодня – это своего рода Анти-Германия.

Der Spiegel: Правда?

Александр Дугин: Вы больше не читаете своих собственных авторов, вы больше их не понимаете, и вы больше их не обсуждаете. Я часто бываю в Германии, и когда я вижу, что у вас стоит на книжных полках, вижу, что у немецкой культуры нет будущего. Где остался великий немецкий дух? Где высоты французской философии? Где глубина итальянского искусства? То, что мы сегодня видим, вызывает рвотный рефлекс.

И, тем не менее, он уже чуть позже путается в искажениях, которые звучат уже почти как атаки наших собственных левых и «культурных марксистов»:

Александр Дугин: Эдмунд Хуссерль писал о «европейском человечестве». Кто так говорит, создает базу этноцентризма, поскольку для него «европейское» и «человеческое» – одно и то же. Поэтому не следует удивляться концентрационным лагерям.

Это звучит прямо-таки безумно, почти зло. Все равно из какого контекста вырвана цитата Хуссерля: такая формулировка как «европейское человечество» скорее свидетельствует, что под ней определена специфическая часть человечества. В следующем абзаце Дугин снова делает свой типичный оборот:

Александр Дугин: Я люблю Хуссерля, это мой любимый философ, гуманист. Но он и расист. Все европейские философы – расисты. Подождите, есть исключения – этнолог Лео Фробениус, например, и философ Йоханн Готфрид Гердер.

Гердер, естественно, основатель «этноплюрализма»!

Теперь легко можно было бы повернуть копье острием против Дугина. Если «права человека» преследуют интересы империалистического Запада, то его теория служит, возможно, прежде всего, для оправдания российского империализма. Как бы ни выглядела «четвертая политическая теория»: естественно, Россия будет ее носителем, естественно, она родится из русской души.

У Торстена Хинца сложилось такое же впечатление:

«Существование», которое он подразумевает, появляется в образе Матушки-России. Дугин перенял теорию «Хартленда» Маккиндера, геополитику Хаусхоффера, и соображения Шмитта о региональном планировании и выступает за множество «больших пространств» как альтернативу американизированному «Единому миру». Самым важным континентальным большим пространством должна стать Евразия, которая опирается преимущественно на Россию и континентальную Европу, т.е. на Францию и Германию.

Интервьюер снова и снова справедливо напоминает Дугину об антизападных русских националистах девятнадцатого века, которые (как например, Достоевский) постулировали решительную мессианско-мистическую миссию русского народа. Вокруг этого факта Дугин извивается как угорь, и снова возвращается к понятию «православия».

Der Spiegel: Философ Иван Киреевский в 19 веке писал: «Все, что препятствует правильному и полному развитию православия, то препятствует развитию и благоденствию народа русского; все то искажает душу России и убивает ее здоровье нравственное, гражданское и политическое». Вы согласны с этим?

Александр Дугин: Да.

Der Spiegel: Это не приводит к отсутствию толерантности по отношению к другим идеям – отсутствию толерантности, в котором вы упрекаете Запад?

Александр Дугин: Нет. Православный дух не носит эксклюзивный характер. В отличие от католицизма православие обладает определенной гибкостью. Мы, русские, не националисты, мы никогда не были нацией. Когда мы говорим о «наших», то имеем в виду не этнический компонент. И чеченцы относятся к нам, и узбеки. Мы сказали тюркским или монгольским народам – вы являетесь сейчас частью православной культуры, мы не будем вас преследовать. У вас будут свои мечети, вы сможете молиться. Если мы говорим о православном народном духе, это не означает, что мы объявляем войну другим культурам.

Как раз тут чеченец или узбек в первую очередь стали бы яростно возражать.

Как уже говорилось: в итоге все это звучит скорее как российско-империалистическая «лицемерная речь», и России трудно будет правдоподобно представить это лицемерие народам, на гегемонию власти над которыми она претендует. Даже по отношению к столь родственной и близкой России Украине это кажется обреченным на провал. Критика Дугиным американского империализма и западного либерализма подкупает; но то, что он хочет противопоставить этим силам в идеологическом отношении, выглядит, однако, в значительной степени искусственным.

Даже его утверждение о том, что он является верующим ортодоксальным христианином, действует скорее как обманчивая маска и поза. Формула Шарля Пегги для модерна: «Мы не верим в то, во что мы верим», но мы верим только потому, что мы верим, что это приносит нам пользу, могла бы быть применима также здесь. Я не думаю, что было бы ошибочно предположить в Дугине любую только мыслимую макиавеллистскую прожженность. В этом отношении он, похоже, абсолютно бессовестен.

Der Spiegel: Вы говорите: «Больше нет критиков курса Путина. И если они есть, то это психические больные, и они нуждаются в лечении. Путин – это все, Путин незаменим». Это действительно сказали Вы?

Александр Дугин: Да.

Der Spiegel: Психически больные?

Александр Дугин: Те, кто нападает на Путина, нападают на большинство. Это психически ненормально, отклонение от нормы. Нужно ли терпеть отклонения от нормы? Нужно. Нужно ли делать отклонения нормой? Нет. Поэтому люди, ко-

торые не поддерживают Путина, психически ненормальные. Но психически больные имеют право на исцеление, на поддержку.

Тот, кто говорит так, уже отказался от любой интеллектуальной и духовной добросовестности. Он всего лишь демагог и пропагандист власти. Даже одно то, как здесь манипулируют такими понятиями как «большинство» и «норма», по-просту подло. И метод психиатрически справляться с диссидентами, он, пожалуй, позаимствовал из времен Сталина.

Без сомнения Хинц был прав и в том, что он видит в Дугине дитя постмодернизма, который позирует в качестве традиционалиста и антимодерниста (если это необходимо):

Читатель чувствует себя оказавшимся в романе Достоевского, и ему кажется, что «четвертая политическая практика» – это только еще один очередной подкидыш постмодернизма. По-видимому, Дугин почувствовал это и сам, из-за чего он рекомендует в конце обычные «основные принципы» – социальную справедливость, национальный суверенитет и традиционные ценности – и политический общий фронт из правых, левых, консерваторов и приверженцев традиционных религий.

При таком рассмотрении Дугин определенно принадлежит к тем постмодернистским правым, которые пытаются вытянуть себя из болота за волосы, чтобы зажечь что-то вроде идеологического квантового перехода из модерна. Если Дугин говорит, что Путин – это «раздвоенная личность», то это еще больше справедливо по отношению к нему самому.

Однако остается явно ощущаемый «страх инфекции», который явно мотивирует Дугина, и он полностью оправданный. При всем шуме он также, в конечном счете, находится в обороне. Восточная Европа и Россия сейчас очевидно не могут считать себя в безопасности перед лицом того вакуума, который угрожает поглотить Запад.

Александр Дугин: Я люблю Европу, поэтому нынешняя Европа вызывает у меня такой ужас. Я вижу, как она умирает. Это не так, как в России. У нас на каждый вызов есть другой ответ. У вас пропадает многообразие. Но европейцы не только теряют Европу, они хотят, чтобы русские оставили Россию. Ищите свою Европу или потеряйте ее совсем – это ваше дело. Но оставьте нас в покое.

НА ЗАПАДЕ ВСЕ РАСИСТЫ

Те ценности, которые принимают за универсальные, на самом деле являются проекцией западных ценностей. Западная цивилизация – это цивилизация расистская, этноцентричная.

Новый офис на западе Москвы. Без таблички и какого-либо указания на то, что на четвертом этаже расположен офис «Евразийского движения». В офисе меня встречает человек с бородой – 52-летний профессор **Александр Дугин**. Несколько дней назад ректор социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова уволил его с поста заведующего кафедрой. Ему представили список с 10 тысячами подписей и требованием лишить Дугина своего поста, потому что он привносит слишком много политики в науку. Профессор слишком громко требовал ввода российских войск на восток Украины. «Главный идеолог **Путина**» – так называют его одни, а другие почитают как лидера «Евразийского движения». Третьи называют его политическим хамелеоном и творцом новой идеологии, которая, как утверждает американский историк **Уолтер Лакер**, содержит даже элементы неонацизма. Но он – советник спикера Госдумы, у него есть высокопоставленные друзья в президентской администрации, и на протяжении уже многих месяцев философ все чаще появляется на государственных телеканалах. Настал час Дугина – человека, который многие годы представляет идею Евразии и презирает западную культуру.

Дугин, сын генерала, в 80-е годы был антикоммунистом, позднее – членом Национал-большевистской партии, прежде чем стать сторонником Владимира Путина. Философ-полиглот вступал в противоречие, прежде всего, с теоретиками «консервативной революции», он почитает **Фридриха Ницше** и немецких мыслителей, таких, как **Карл Хаусхофер**, который в 20-е годы перевел в политическую плоскость биологическое понятие «жизненного пространства», а также спорный правовед **Карл Шмитт**. Дугин опубликовал десятки книг, среди которых «Основы геополитики», считающиеся настольной книгой штаб-офицеров России. Для многих российских политиков и деятелей культуры доктрина Дугина о евразийстве стала новой идеологической родиной, на Украине он, напротив, был объявлен персоной нон грата. Дугин постоянно ездит по Европе в поисках новых сторонников своего учения. Сейчас он как раз только что вернулся из Румынии.

Der Spiegel: Александр Гельевич, вас в эти дни можно увидеть на демонстрациях и по российскому телевидению, и вы везде предостерегаете от «национальной фашистской диктатуры» на Украине. Какие у вас есть доказательства того, что в Киеве поднимает свою голову фашизм?

Александр Дугин: Там мы имеем дело с радикальной формой расизма, отсутствием толерантности, шовинизмом. Не только партия «Свободы» и «Правый сектор», но и так называемые умеренные и либеральные украинские политики говорят о доминировании западно-украинской идентичности. Русофобия расистского толка с самого начала определяла действия Майдана с лозунгом: «Кто не скачет, тот москаль».

Der Spiegel: На украинском языке «москаль» – пренебрежительное название русского.

Александр Дугин: Звучит это так же, как «Кто не поднимает руку, тот цыган». В Германии подобная партия была бы тут же запрещена. Или, например, «Москаляку на гиляку», то есть – «Убивайте русских». Я не могу себе представить ни одну страну в Европейском Союзе, в которой бы люди могли выйти на улицу и кричать: «Убейте французов, убейте бельгийцев!». Это фашизм. Америка и Европа используют его в геополитических целях, этот фашизм зрел в Киеве с 90-х годов, при поддержке западных фондов. При этом понятие «фашизм» у них такое: тот, кто за Америку – хороший, кто против – фашист.

Der Spiegel: Ну, это слишком вольное обращение с термином «фашизм». Кроме того, я в Киеве почувствовал русофобию, но не фашизм.

Александр Дугин: Конечно. Вы как западный журналист приглашались для того, чтобы увидеть только то, что вы должны были увидеть. Это культурный код, проекция. Вы вообще могли бы больше не работать в вашем издании, если бы утверждали, что в Киеве есть фашизм.

Der Spiegel: Вы публично заявляли, что нужно «убивать, убивать, убивать» этих украинцев. Ваше высказывание и в России вызвало неоднозначную реакцию.

Александр Дугин: Подождите, подождите. После того, как люди из «Правого сектора» и Национальной гвардии в Одессе сожгли людей, я сказал: «Людей, которые совершают такие ужасные преступления, нужно убивать, убивать, убивать». Речь шла только о тех, кто совершает такие преступления!

Der Spiegel: События, произошедшие 2 мая в Одессе, были не такими однозначными, как вы утверждаете. Они начались с атак пророссийских активистов.

Александр Дугин: Были трупы или нет? Нет? Для вас есть только два варианта – либо нет трупов, либо это были русские, которые убивали людей. Я с вами полностью согласен – мы убивали людей и складывали трупы во дворце профсоюзов. Нужно убить нас, русских!

Der Spiegel: Было, по меньшей мере, 38 погибших, но как это произошло, до сих пор не было выяснено.

Александр Дугин: Ах, вот как? Да, конечно, это были мы! Вы правы!

Der Spiegel: Я спросил, почему вы потребовали смерти для украинцев.

Александр Дугин: Да, я предложил убить всех украинцев. Вы должны это видеть таким образом. В конце концов, вы работаете на издание, которое находится на правильной стороне.

Der Spiegel: Являются ли украинцы, действительно, только пешками в геополитической игре в «большой войне континентов», о которой вы так любите говорить?

Александр Дугин: Нет, они молодцы, они построили свободное государство, закрепили демократию и свою территориальную целостность, освободились от коррумпированного президента **Януковича** и поставили демократичного руководителя. Они хотели в ЕС, а мы, чертовы русские, им в этом мешали. Мы – плохие, а они – хорошие.

Der Spiegel: С иронией и сарказмом мы далеко не уйдем в нашей беседе.

Александр Дугин: Не получается по-другому. Между нами не получается беседы.

Der Spiegel: Хорошо. Попробуем по-другому. В своих работах вы говорите, что после распада Советского Союза началась «эпоха геополитики». Граница между континентами (вы имеете в виду границу между Западом и Востоком), то, что вы называете «Евразией», проходит через страны. Вы имеете в виду культурную границу?

Александр Дугин: Да, границу между культурами, между разными цивилизациями.

Der Spiegel: Она проходит и через Украину?

Александр Дугин: Подождите, это серьезная тема. Существует одна цивилизация или несколько? Существуют ценности, характерные для всего человечества?

Der Spiegel: Есть как различные цивилизации и культуры, так и ценности, которые должны быть всеобщими.

Александр Дугин: То есть, все-таки одна универсальная цивилизация? Я вижу это иначе, и в этом наше разногласие. Я ссылаюсь на таких теоретиков, как **Освальд Шпенглер, Арнольд Тойнби и Николай Данилевский.**

Der Spiegel: Данилевский был одним из ведущих панславистов 19-го века.

Александр Дугин: У разных обществ – различные ценности. Не существует универсальных ценностей. Те, которые таковыми считают, являются проекцией западных ценностей. Западная цивилизация – расистская, этноцентричная цивилизация. Любой западник – расист. Не биологический, как **Гитлер**, но в плане культуры. Поэтому он полагает, что существует только одна цивилизация – без варварства. И эта цивилизация основывается на демократии, прогрессе, правах человека, свободной рыночной экономике и индивидуальной идентичности. Но варварство все это отрицает по каким-то религиозным причинам. Так думают западники, поэтому они расисты в культурном отношении.

Der Spiegel: Это абсурд.

Александр Дугин: Еще раз. Не существует ни одной цивилизации, есть различные формы. Два варианта – либо вы уважаете, что я говорю на другом языке, и мы сейчас попытаемся найти как можно больше общих понятий, либо вы полагаете, что являетесь носителем абсолютной истины – то есть, это означает, что мы, русские, просто не знаем, что такое права человека, либерализм, свобода, и что вы имеете право защищать права человека в Африке, России и Китае.

Der Spiegel: В России говорят, что восточная цивилизация превосходит западную, и Европа впадает в упадок.

Александр Дугин: Этого я никогда не говорил. Я только считаю, что цивилизации Запада и Востока – абсолютно разные. Восточная превосходит в той степени, что выступает против расизма со стороны западной цивилизации. Западник приходит и говорит, что прогресс, технологии и безопасность – также неотъемлемые права русских.

Der Spiegel: Вы это отрицаете?

Александр Дугин: А вы нет? Европа, по всей видимости, знает все, и разговаривает с другими, как с идиотами.

Der Spiegel: Мы же, как раз, пытаемся понять друг друга. В чем вы обвиняете декадентский Запад?

Александр Дугин: В том, что он хочет навязать нам свои критерии. У вас есть гей-парады, хорошо, тогда проводите их. То, что у нас их нет, вы рассматриваете как нарушение прав человека. А мы говорим в ответ – отстаньте! Или вы хотите объяснить исламу, что такое феминизм, и кто такие феминистки, и почему женщины и мужчины равноправны? Это колонизация. Я православный христианин, вы – нет. Я принимаю вас, а вы меня – нет.

Der Spiegel: Почему вы считаете, что я вас не принимаю?

Александр Дугин: Когда вы приходите к представителю другой культуры, вам следовало бы спрашивать о его взглядах, а не предъявлять ложные утверждения, как в случае с Одессой.

Der Spiegel: Я задал вопрос. Меня интересуют корни патриотических, практически изоляционистских настроений в России, и почему так мало ведется дискуссий относительно курса руководства страны. Возможно ли, что вы оцениваете коллективное право выше, чем индивидуальные права человека, за которые борется Запад?

Александр Дугин: На Западе права человека стоят выше прав коллектива, в исламском мире религия стоит выше права отдельного человека, в России – это права общества, коллективные права. При всем постмодернизме, при всей толерантности вы на Западе не сталкиваетесь с проблемой другого человека. Для вас все другое – это что-то негативное. Вы просто не находите ключ к философской проблеме другого человека. Вы пытаетесь поучать нас, говорить, как нужно решить эту проблему, которую вы не решили сами. Это всегда было так –

во времена колонизации, во времена больших географических открытий, в эпоху европейского колониализма, во время Вестфальского мира, в эпоху британских колониальных завоеваний, при Гитлере и в эпоху либерализма. Этноцентричная Западная Европа – это константа. **Эдмунд Хуссерль**...

Der Spiegel: ... один из крупнейших философов 20-го века...

Александр Дугин: ...писал о «европейском человечестве». Кто так говорит, создает базу этноцентризма, поскольку для него «европейское» и «человеческое» – одно и то же. Поэтому не следует удивляться концентрационным лагерям. Я люблю Хуссерля, это мой любимый философ, гуманист. Но он и расист. Все европейские философы – расисты. Подождите, есть исключения – этнолог **Лео Фробениус**, например, и философ **Иоганн Готфрид Гердер**.

Der Spiegel: Гердер со своим отходом от универсализма просвещения считается прародителем консервативной, национально обоснованной теории культуры.

Александр Дугин: Мне нравятся корни немецкой культуры, но ее больше нет. Германия сегодня – это своего рода Анти-Германия.

Der Spiegel: Правда?

Александр Дугин: Вы больше не читаете своих собственных авторов, вы больше их не понимаете, и вы больше их не обсуждаете. Я часто бываю в Германии, и когда я вижу, что у вас стоит на книжных полках, вижу, что у немецкой культуры нет будущего. Где остался великий немецкий дух? Где высоты французской философии? Где глубина итальянского искусства? То, что мы сегодня видим, вызывает рвотный рефлекс.

Der Spiegel: Критика западных ценностей в России – не нова. **Федор Достоевский** видел в славянстве новую мировую идею. И он считал Запад декадентским.

Александр Дугин: Достоевский, **Константин Леонтьев**... но, в особенности – Николай Данилевский. И евразийцы очень правильно говорили, что нужно ограничить западные цивилизации. Они отмечали, что у нас есть собственные ценности, лучший путь. Для Достоевского и славянофилов Россия – особая форма цивилизации – не европейская, не азиатская. А православная. Со своими представлениями о морали, этике, религии, власти и политике.

Der Spiegel: Данилевский еще 150 лет назад говорил о борьбе культур. Почему славянофилы считают неизбежной конфронтацию с Западом?

Александр Дугин: Конфликт цивилизаций неизбежен.

Der Spiegel: Философ **Иван Киреевский** в 19 веке писал: «Все, что препятствует правильному и полному развитию православия, то препятствует развитию и благоденствию народа русского; все то искажает душу России и убивает ее здоровье нравственное, гражданское и политическое». Вы согласны с этим?

Александр Дугин: Да.

Der Spiegel: Это не приводит к отсутствию толерантности по отношению к другим идеям – отсутствию толерантности, в котором вы упрекаете Запад?

Александр Дугин: Нет. Православный дух не носит эксклюзивный характер. В отличие от католицизма православие обладает определенной гибкостью. Мы, русские, не националисты, мы никогда не были нацией. Когда мы говорим о «наших», то имеем в виду не этнический компонент. И чеченцы относятся к нам, и узбеки. Мы сказали тюркским или монгольским народам – вы являетесь сейчас частью православной культуры, мы не будем вас преследовать. У вас будут свои мечети, вы сможете молиться. Если мы говорим о православном народном духе, это не означает, что мы объявляем войну другим культурам.

Der Spiegel: Православные активисты в конце июля запретили проведение концерта американского рок-музыканта **Мэрилина Мэнсона**.

Александр Дугин: Зачем он нам здесь нужен?

Der Spiegel: У него есть фанаты и в России.

Александр Дугин: Тогда им нужно скопить денег и отправиться туда, где живет Мэнсон.

Der Spiegel: Русские его пригласили.

Александр Дугин: Да, с этим приходится сталкиваться. И это только начало культурной конфронтации. Русские чувствуют, что их идентичность подвергается угрозе, и они защищаются. Хорошо, что они выразили свое мнение.

Der Spiegel: Была угроза взрыва, полиция отменила концерт. Чтобы покончить с гегемонией Запада, в России появились призывы, например, к бойкотам таких сетей, как McDonald's. Но на самом деле, повсюду видны западные смартфоны, телевизоры, автомобили. Депутаты Госдумы отправляют своих детей учиться за границу, прячут свои деньги в западных банках, покупают на Западе недвижимость и отдыхают на Лазурном берегу. Как это сочетается?

Александр Дугин: Плохо сочетается. Россия хочет освободиться от Запада, но политическая элита очень тесно связана с Западом. Я называю это археомодерном. Общество архаично, а элита модернизирована. Элита стремится модернизировать массы, сделать их более западными, но массы хотят русифицировать элиты. Эта борьба началась в 19 веке. Вопрос до сегодняшнего дня остается нерешенным, есть только один болезненный компромисс. Наше общество не хочет ни iPhones, ни McDonald's. Я готов от всего этого отказаться.

Der Spiegel: Стремление к материальному вас отталкивает?

Александр Дугин: Технический прогресс происходит вместе с духовным регрессом. Я – за духовный прогресс.

Der Spiegel: Вы сравнили Россию с пьяницей, который проиграл все свое состояние – семью, детей, дом и землю. Протрезвев, он пытается все проигранное вернуть. Как он должен это делать? Так же как и в случае с Крымом?

Александр Дугин: Мы в 90-е годы сами себя потеряли. Вначале был распад Советского Союза, затем тотальное влияние западной культуры. Речь идет не о территориальных изменениях, но Крым является частью нашей истории, мы должны найти наши корни и наше историческое самосознание.

Der Spiegel: На демонстрациях вы призываете Путина к проявлению силы на востоке Украины. «Восточная Украина или смерть». Вы серьезно так считаете?

Александр Дугин: Абсолютно серьезно. Если мы потеряем Восточную Украину, тогда Киев нападет на Крым, и мы будем вовлечены в войну. Если мы отдадим Крым, начнутся протесты в России, которые приведут к свержению Путина, и тогда у нас начнется свой Евромайдан. Я не знаю Путина, я не имею на него воздействия. Я обращаюсь со своими призывами в никуда, но это мой гражданский долг.

Der Spiegel: Когда Путин говорит, что нужно защищать этнических русских не повсюду, а именно там, где они чувствуют себя частью русского мира. В этом он очень близок к вашей идее. И он рьяно выступает против американской гегемонии. С другой стороны, вы говорите, что Путин не верит в какую-то идею. Он слишком активно идет навстречу Западу?

Александр Дугин: Да, конечно. Он – раздвоенная личность. Есть лунный и солярный Путин, как я его называю. Солярный Путин – это тот Путин, которого я хотел бы видеть. Лунный Путин рассматривает мир с точки зрения договоров, сотрудничества, газовых поставок. Это прагматик. Между ними есть конфликт. Путин – очень раздвоенная личность. Вначале было присоединение Крыма. А потом – шаг за шагом в обратном направлении. Он работал в спецслужбах, возможно, поэтому он всегда говорит противоположное тому, что думает.

Der Spiegel: Вы различаете Пятую и Шестую колонны, которые работают на территории России против России, и должны поэтому быть повержены. Под Пятой колонной вы понимаете демонстрантов, вышедших после парламентских выборов 2011 года на Болотную площадь. Это все противники?

Александр Дугин: Все противники России.

Der Spiegel: Все оплачиваемые наемники?

Александр Дугин: Только руководители. Пятая колонна – это те либералы, которые видят в России часть западного мира. Они работают против Путина. Шестая колонна возникла внутри круга власти, она работает и живет рядом с Путиным. Отличие состоит в том, что Пятая колонна – против Путина, а шестая – за него. Но все это либеральные западники.

Der Spiegel: Логично, что вы считаете Шестую колонну более опасной.

Александр Дугин: Она опаснее потому, что она менее обозрима. И потому, что ее представители говорят, что они действуют в интересах Путина.

Der Spiegel: Как, по вашему мнению, следует обращаться с оппозицией?

Александр Дугин: Есть две трактовки демократии – господство большинства и господство меньшинства. Классическая трактовка, которой я придерживаюсь – это господство большинства. В либеральном постмодернистском Западе демократия понимается сегодня как господство меньшинства, поскольку большин-

ство подозревают в том, что оно склонно к популизму, социализму или фашизму. Поэтому задача правящего меньшинства – бороться с большинством. Аномальная логика.

Der Spiegel: Вы говорите: «Больше нет критиков курса Путина. И если они есть, то это психически больные, и они нуждаются в лечении. Путин – это все, Путин незаменим». Это действительно сказали Вы?

Александр Дугин: Да.

Der Spiegel: Психически больные?

Александр Дугин: Те, кто нападает на Путина, нападают на большинство. Это психически ненормально, отклонение от нормы. Нужно ли терпеть отклонения от нормы? Нужно. Нужно ли делать отклонения нормой? Нет. Поэтому люди, которые не поддерживают Путина, психически ненормальные. Но психически больные имеют право на исцеление, на поддержку.

Der Spiegel: Как вы себе представляете Евразию, которую вы пропагандируете как противоположный конструктор по отношению к западной демократии?

Александр Дугин: Евразия носит глобальный характер, это синоним многополярности. У меня есть сторонники даже в Бразилии или в Китае – везде, где есть противники однополярного американского доминирования. В этом смысле эти люди являются евразийцами. В более узкой трактовке Евразия – это Россия и ее партнеры – Турция, Иран, Китай, Индия, постсоветское пространство, в которое входит и Монголия. И часть Восточной Европы – Болгария или Сербия. Как именно будет проходить евразийская интеграция, нужно посмотреть.

Der Spiegel: Отношение Европы к Америке осложнилось, и взаимоотношения с Россией тоже непонятны. Вы говорите о борьбе атлантической и континентальной Европы. Вы много ездите по Европе. Кто ваши собеседники?

Александр Дугин: Европейский народ. Элиты не отражают мнения большинства. Европейский истеблишмент меня не понимает, не хочет понять Россию. Я нахожу отклик среди простых людей.

Der Spiegel: А с вашими коллегами-философами?

Александр Дугин: Там то же самое. **Бернар-Анри Леви** критикует мою книгу «Четвертая политическая теория», но, вероятно, он ее не читал. Любой европейский философ, который относится к истеблишменту, является частью системы. С этой частью элиты мне не о чем разговаривать. И разговор с **Юргеном Хабермасом** ни к чему не приведет. Но это лишь немногие. Я разговариваю с водителями такси, баварскими крестьянами, румынскими студентами, французскими горничными.

Der Spiegel: Вы же не едете в Германию, чтобы поговорить с каким-то водителем такси?

Александр Дугин: Я разговариваю и с философами старой школы, на которых охотятся носители новой толерантности, с такими, как профессор **Фридрих Вильгельм фон Херманн**, ученик Хейдеггера. Из-за него я поехал во Фрайбург, его отстранили от занятий представители каких-то гендерных структур.

Der Spiegel: Он ушел на пенсию.

Александр Дугин: Я ищу людей, которые представляют реальную Европу. Я ищу Европу. Я ищу следы и у диссидентов – левых или правых. Я даже нахожу в России больше следов Европы, чем в самой Европе. У нас немецкие романтики **Шеллинг** или **Гегель**, Хайдеггер или Шмитт превозносятся, а не презираются.

Der Spiegel: Историк **Андрей Зубов** говорит, что идея самостоятельной русской или евразийской цивилизации ошибочна. Это не что иное, как искусственная изоляция России от остального мира и результат культурного примитивизма, потому что мы много десятилетий назад уничтожали наш ведущий европейский слой. У нас больше ничего не осталось от тех граждан мира, которыми были наши предки 100 или 200 лет назад. Зубов тоже «психически болен»?

Александр Дугин: Его позиция неверна, но он вправе ее излагать. Евразийцы уничтожили европейский слой? И среди предков либералов были коммунистические комиссары, которые убивали во имя универсального развития человечества. Зубова уволили из МГИМО, потому что он сравнил присоединение Крыма Путиным с гитлеровской аннексией Австрии. Но ему было разрешено вернуться. Меня сейчас уволили из МГУ из-за моего требования ввести войска в Новороссию.

Der Spiegel: Вы имеете в виду восток Украины.

Александр Дугин: Мне вернуться нельзя. Они сместили патриота (меня) и либерала. Но только либералу было разрешено вернуться. Интересно.

Der Spiegel: Достоевский, анти-западник, долгое время жил в Германии. В этом нет противоречия?

Александр Дугин: Никакого. Чем дольше русский человек живет за границей, тем более русским он становится. Поэтому я так хорошо понимаю живущих в Германии русских. Я могу понять европейскую культуру, я перевожу европейскую поэзию, я сейчас как раз издаю том Хайдеггера. Я люблю Европу, поэтому нынешняя Европа вызывает у меня такой ужас. Я вижу, как она умирает. Это не так, как в России. У нас на каждый вызов есть другой ответ. У вас пропадает многообразие. Но европейцы не только теряют Европу, они хотят, чтобы русские оставили Россию. Ищите свою Европу или потеряйте ее совсем – это ваше дело. Но оставьте нас в покое.

Der Spiegel: Александр Гельевич, спасибо.

Беседовал Кристиан Нееф

Источники: Sezession im Netz, 23.07.2014; Der Spiegel, 14.07.2014

Перевод: ИноСМИ.ru, 16.07.2014

[Велесова Слобода, 2014 г.](#)

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода.](#)